Баронъ М.А. Таубе

Родовой знакъ семьи Владиміра Св. въ его историческомъ развитіи и государственномъ значеніи для древней Руси.

Белградъ 1938.

Baron M. A. von Taube.

Über das Familienzeichen vom Heiligen Wladimir in der geschichtlichen Enwicklung und seine Bedeutung für die alte Rus als Staatssymbol.

Philadelphia, Mai 2002.

Xerographischer Nachdruck aus der Festschrift anläßlich des 950-ten Jubileums des Christentums in Russland. Belgrad 1938, S. 89-112, Taf. I-VI.
Aufbewahrt an der Universitätsbibliothek von U of P in Philadelphia.

ВЛАДИМІРСКІЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ПАМЯТЬ 950-ЛѢТІЯ КРЕЩЕНІЯ РУСИ

988-1938

БѢЛГРАДЪ

Баронъ М. А. Таубе.

Родовой знакъ семьи Владиміра Св. въ его историческомъ развитіи и государственномъ значеніи для древней Руси.

Интересъ къ „загадочному знаку“ семьи Владиміра Святого (замѣченному впервые на его златникахъ и сребренникахъ), не ослабѣвавшій у русскихъ историковъ и археологовъ въ теченіе всего прошлаго столѣтія, къ началу новаго вѣка несомнѣнно передвинулся въ болѣе широкую плоскость. Въ связи съ обнаруженіемъ все новыхъ и новыхъ памятниковъ старины, отмѣченныхъ этимъ знакомъ, вопросъ постепенно перешелъ изъ области нумизматики — гдѣ онъ первоначально только и разрабатывался — въ общую область бытовой археологіи домонгольской Руси, со всѣми связанными съ нею отраслями „вспомогательныхъ историческихъ наукъ“—съ вопросами древнѣйшей русской сфрагистики (науки о печатяхъ), княжеской генеалогіи, наслѣдственныхъ знаковъ собственности, ихъ „геральдической“ измѣняемости и пр. и пр.

Въ статьѣ, напечатанной въ 1929 году[1]), авторомъ настоящаго очерка были уже сдѣланы нѣкоторые основные выводы — какъ будто, шедшіе довольно далеко въ смыслѣ разрѣшенія „загадки“ знака, — на основаніи обнаруженнаго до того времени богатаго археологическаго матеріала. Три года тому назадъ пришлось затѣмъ вновь вернуться ко всѣмъ этимъ вопросамъ, въ связи съ работой на мало извѣстную тему о русскихъ и литовскихъ удѣльныхъ князьяхъ въ раіонѣ Западной Двины въ эпоху завоеванія Ливоніи Нѣмцами[2]). Но и съ тѣхъ поръ почти каждый годъ приносилъ все новыя извѣстія объ открытіи дальнѣйшихъ археологическихъ памятниковъ съ этимъ знакомъ (или его варіантами), такъ что въ

[1]) „Загадочный родовой знакъ семьи Владиміра Святого“ въ Сборникѣ посвященномъ проф. Милюкову (Прага 1929), стр. 117—132 съ 2-мя таблицами.

[2]) „Russische und litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands (XII. und XIII. Jahrhundert)“ въ Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven, 1935, Heft 3/4, стр. 367—502 съ картой и таблицами.

настоящее время позволительно еще болѣе расширить намѣчавшіеся прежде выводы: исторія знака въ до-татарскій періодъ нашей исторіи (т. е. за XI, XII и первую половину XIII-го вѣка) выявляетъ теперь извѣстныя точки его соприкосновенія и съ внутренно-государственнымъ строемъ древне-русскаго „союза государствъ", и даже съ областью его внѣшнихъ отношеній, ибо предѣлы распространенія „знака" свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, о сознаніи принадлежности тѣхъ или другихъ мѣстныхъ княжескихъ династій и ихъ „волостей" къ составу единой — хотя и весьма раздѣленной — „Земли Русской", къ наслѣдію единаго дома Владиміра Святого, а съ другой, указываютъ на несомнѣнное ея вліяніе (политическое или, хотя бы, только культурное) также и по периферіи этого русско-славянскаго міра, напр. въ латышскихъ, ливскихъ и литовскихъ земляхъ юго-западной Прибалтики.

I. Положеніе вопроса и методъ его рѣшенія.

Въ теченіе болѣе 100 лѣтъ со временъ Карамзина (1815) вопросъ о „загадочномъ знакѣ" въ формѣ трезубца, появляющемся въ различныхъ варіантахъ на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ Владиміра Святого и его преемниковъ, не переставалъ привлекать къ себѣ вниманіе и русскихъ, и иностранныхъ историковъ, археологовъ, нумизматовъ: не менѣе 40 ученыхъ пробовали разрѣшить загадку этого изображенія, но „сфинксъ" (по выраженію покойнаго гр. И. И. Толстого) оставался все-таки неразгаданнымъ, — несмотря на то, что именно этотъ выдающійся русскій нумизматъ въ своемъ капитальномъ трудѣ „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго" (СПБ. 1882) далъ уже, казалось бы, замѣчательное по полнотѣ и строгой объективности изложенія, твердое научное основаніе для систематическаго разслѣдованія и рѣшенія вопроса. Если разгадка, тѣмъ не менѣе, и въ послѣдующіе годы не была найдена, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ 20 слишкомъ предложенныхъ рѣшеній, почти ни одно не являлось результатомъ *систематическаго* и детальнаго разслѣдованія. Вопросъ трактовался всегда какъ-то мимоходомъ, притомъ главнымъ образомъ только въ связи съ нумизматическими проблемами русской археологіи, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, онъ значительно болѣе широкъ.

Чтобы какъ слѣдуетъ въ немъ разобраться, необходимо начать съ краткаго обозрѣнія предлагавшихся до сихъ поръ его рѣшеній. Сводя ихъ въ группы, представляющія однородныя гипотезы, мы получимъ слѣдующую картину[1]):

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ, за недостаткомъ мѣста, мы принуждены отказаться отъ подробныхъ библіографическихъ указаній. Спеціалисты легко разберутся въ сдѣланныхъ здѣсь ссылкахъ.

А) Знакъ какъ символъ государственной власти:

1. Трезубецъ: Карамзинъ (1815), Снегиревъ, новѣйшая украинская терминологія[1]).
2. Верхушка византійскаго скипетра („диканикій"): гр. Уваровъ (1851).
3. Скифскій скипетръ: Самоквасовъ (1894).
4. Корона: Вильчинскій (1908).

Б) Знакъ какъ церковно-христіанская эмблема:

1. Трикирій: Воейковъ (1816), бар. Шодуаръ, Сахаровъ, Рейхель, Шубертъ.
2. Labarum: Волошинскій (1853), Гиль, гр. Гуттенъ-Чапскій.
3. Хоругвь: Тилезіусъ (1882).
4. Голубь Св. Духа: Куникъ (1860), Стасовъ, Гильдебрандъ, Арнэ.
5. „Акакія": Schlumberger (1900)[2]).

В) Знакъ какъ свѣтско-воинская эмблема:

1. Якорь: Бартоломей (1861).
2. Наконечникъ „франциски": Тилезіусъ (1864)[3]).
3. Лукъ со стрѣлой („Куша"): А. В. Толстой (1882)[4]).
4. Норманскій шлемъ: Милюковъ (1889).
5. Сѣкира: Сорокинъ (1894).

Г) Знакъ какъ геральдически-нумизматическое изображеніе:

1. Норманскій воронъ: Кёне (1859).
2. Генуэзско-литовскій „порталъ": гр. С. Строгановъ (1860), Лелевель.

Д) Знакъ какъ монограмма:

1. Руническая: гр. И. И. Толстой (1882), Куникъ, Черневъ, Орѣшниковъ, Болсуновскій.
2. Византійская: Болсуновскій (1908), Соболевскій, Грушевскій, Скотинскій.
3. „Украинская": В. Пачовскій (1923)[5]).

---

[1]) У Карамзина и др. „трезубецъ" есть собственно только описаніе, а не объясненіе фигуры; то же — „тризубъ" современныхъ украинцевъ (съ 1918 г., когда Центральной Радой онъ признанъ гербомъ Украины).

[2]) „Акакіей" назывался мистическій мѣшочекъ съ землею, принадлежавшій къ полному императорскому орнату византійскихъ василевсовъ и отъ нихъ заимствованный въ первоначальный коронаціонный обрядъ королей венгерскихъ и германскихъ императоровъ (так. наз. „Bursa Sancti Stephani" среди регалій этихъ послѣднихъ).

[3]) „Франциска" — копье съ двойной сѣкирой (протозанъ) въ качествѣ „любимаго оружія норманновъ".

[4]) „Куша", указанная А. В. Толстымъ по польской печати Подола и приводившая въ недоумѣніе И. И. Толстого, есть не что иное, какъ польско-литовскій гербъ „Kusza" (Кояловичъ).

[5]) См. это весьма курьезное „объясненіе" ниже.

Е) Знакъ какъ геометрическій орнаментъ:

1. Византійскаго происхожденія: гр. И. И. Толстой (1886).
2. Восточнаго типа: Н. П. Кондаковъ (1891).
3. Славянскій: Левшиновскій (1915).
4. Варяжскій: онъ же.

Столь удивительное разнообразіе мнѣній не свидѣтельствуетъ, очевидно, ни объ убѣдительности предлагавшихся рѣшеній (отъ которыхъ часто отказывались сами авторы), ни о правильности метода изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, оно заставило рядъ ученыхъ отказаться отъ дальнѣйшихъ отгадокъ того, что собственно „знакъ" собою *изображаетъ* (in specie) и ограничиться лишь опредѣленіемъ его *значенія* (in genere). На такую точку зрѣнія всталъ и самъ гр. И. И. Толстой въ своемъ, упомянутомъ выше, трудѣ. Въ немъ авторъ — къ которому присоединился тогда акад. Куникъ—приходитъ къ выводу что „знакъ несомнѣнно служилъ родовымъ „знаменемъ" (печатью, тамгою) кіевскаго великаго князя, въ смыслѣ его семейнаго знака собственности; напротивъ, что онъ изображаетъ, — неизвѣстно, такъ какъ это, очевидно, не какой-нибудь опредѣленный предметъ, какъ символъ государственной власти, а условная „геральдическая" фигура, скорѣе всего скандинавскаго происхожденія, можетъ быть, руническая монограмма.

Изъ послѣдующихъ изслѣдователей на ту же точку зрѣнія „родового значенія знака" рѣшительно стали (не отказываясь, однако, и отъ разгадки его изображенія, какъ предмета) опиравшіеся на работы Ефименко, — Сорокинъ, Болсуновскій, Орѣшниковъ, Левшиновскій и др. Этотъ общій выводъ, съ нѣкоторыми необходимыми уточненіями (см. ниже), и могъ быть положенъ въ основу дальнѣйшаго изслѣдованія. Зато всѣ отгадки „предметнаго" значенія знака должны были быть признаны неосновательными, за явной ихъ произвольностью или полнымъ несоотвѣтствіемъ основному свойству „знака": его *„измѣняемости"* въ различныхъ варіантахъ, его способности „сокращаться" (путемъ урѣзыванія средняго стержня или острія фигуры), „дополняться" (привнесеніемъ стороннихъ украшеній) и „перевертываться" — очевидно, безъ ущерба для изображаемаго имъ символа.

Дѣйствительно, какъ справедливо говоритъ Левшиновскій, всѣ попытки объясненія „загадочной фигуры" были не результатомъ „изслѣдованія", а „простыми догадками". Разсужденія о „знакѣ" сводились въ общемъ къ слѣдующей схемѣ: 1) краткая критика предшествовавшихъ рѣшеній, 2) произвольное объясненіе фигуры согласно субъективному впечатлѣнію даннаго автора и 3) подборъ болѣе или менѣе натянутыхъ примѣровъ другихъ изображеній въ подтвержденіе предлагаемой гипотезы.

Полная апріорность подобнаго способа „отгадокъ" должна быть, очевидно, замѣнена болѣе научнымъ методомъ изслѣдованія.

Прежде всего необходимо, конечно, *собрать* весь доступный намъ археологическій (а не только нумизматическій) матеріалъ, касающійся „загадочной фигуры", и *классифицировать* его подъ тройнымъ угломъ зрѣнія: точной принадлежности того или другого варіанта знака тому или другому русскому князю, доказуемой исторической послѣдовательности отдѣльныхъ варіантовъ знака и ихъ взаимной художественной зависимости. Такая работа должна естественно привести къ *опредѣленію первичной формы знака* съ ясной картиной его дальнѣйшей эволюціи, — подтверждающей его преемственно-родовой характеръ. Тогда, въ связи съ анализомъ всѣхъ этихъ данныхъ долженъ, вѣроятно, рѣшиться и *вопросъ о времени и мѣстѣ происхожденія прототипа* „загадочной фигуры", а также, быть можетъ, и вопросъ о предметномъ *значеніи* и *внутреннемъ смыслѣ*.

II. Классификація древнѣйшихъ русскихъ монетъ и знакъ, принадлежавшій Владиміру Святому.

До самыхъ нашихъ дней главнѣйшимъ (а до конца прошлаго вѣка и единственнымъ) археологическимъ матеріаломъ для сужденій о родовомъ знакѣ семьи Владиміра Святого являлись отмѣченныя этимъ знакомъ древнѣйшія русскія монеты, относимыя къ эпохѣ отъ конца X-го до начала XII-го вѣка и въ большей ихъ части приписывавшіяся именно вел. князю Владиміру Святославичу Кіевскому (980—1015 г.). Лишь значительно позже для рѣшенія вопроса о „загадочной фигурѣ" стали постепенно привлекаться и другіе предметы бытовой археологіи древней Руси — княжескія печати, фибулы (подвѣски), „пломбы", клейма на кирпичахъ княжескихъ построекъ и пр. Въ настоящее время есть полная возможность воспользоваться для нашего анализа всѣмъ этимъ матеріаломъ. Но пріоритетъ принадлежитъ здѣсь все-таки монетамъ, съ которыхъ мы и начнемъ разсмотрѣніе вопроса.

Монеты временъ вел. князя Владиміра и его преемниковъ, найденныя частью въ цѣлыхъ кладахъ, частью отдѣльными экземплярами, главнымъ образомъ въ Кіевѣ и по среднему Днѣпру, а также около г. Нѣжина (Черниг. губ.), даютъ намъ, съ различными разновидностями, *четыре главныхъ типа* „родового знака" [1]):

1. Небольшой значекъ въ формѣ „трезубца", нанесенный у лѣваго плеча въ изображеніи князя на „златникахъ" Владиміра Святого и на его-же „сребренникахъ I-го типа" по классификаціи Толстого (см. табл. I, 1). Знакъ этотъ представляетъ собою двѣ соединенныя продольной горизонтальной полосой створки (или два „крыла"), скошенныя съ внутренней

[1]) Подробности въ превосходной сводкѣ матеріала, сдѣланной А. А. Ильинымъ, „Топография кладов древних русских монет X—XI в. и монет удельнаго периода" („Ленинград" 1924).

стороны, съ тонкимъ (иногда укрѣпленнымъ на маленькой бусѣ) стержнемъ посрединѣ продольной полосы, къ которой снизу примыкаетъ треугольное, иногда слегка выгнутое, остріе.

2. Большой знакъ такого-же общаго типа, но довольно сложно составленный изъ симметрическаго ленточнаго плетенія въ формѣ прорѣзного („ажурнаго") трезубца, средняя часть котораго имѣетъ видъ цвѣточнаго узора, вродѣ извѣстнаго по византійской и древне-русской орнаментикѣ „крина" (стилизованной лиліи). Этотъ варіантъ знака, встрѣчающійся въ особенно значительномъ количествѣ разновидностей, увѣнчивается иногда крестомъ (табл. I, 7), а иногда является въ перевернутомъ видѣ (т. е. „стержнемъ" книзу, а „остріемъ" кверху), весьма напоминая въ этомъ случаѣ двукрылую церковную хоругвь (табл. III, 19). Описанный здѣсь знакъ отмѣчаетъ собою оборотную сторону многочисленныхъ сребренниковъ Владиміра Св. „2-го, 3-го и 4-го типовъ" по классификаціи Толстого, а также извѣстный пока въ единственномъ экземплярѣ сребренникъ Святополка Окаяннаго (таблица Толстого IX, 6).

3. Большой знакъ на оборотной сторонѣ безспорнаго „Ярославля сребра", повторяющій фигуру первыхъ двухъ варіантовъ, но отличающійся большей простотой своей конструкціи: не имѣя никакихъ прорѣзныхъ внутреннихъ узоровъ и „крина", онъ зато украшенъ пятью кружками, симметрично расположенными по поверхности фигуры, а также (въ нѣкоторыхъ экземплярахъ) крестомъ наверху стержня (табл. I, 5). Это — по терминологіи И. И. Толстого сребренники Ярослава Мудраго 3-го типа [1]).

4. Знакъ, характерный для многихъ сребренниковъ изъ Нѣжинскаго клада (1852 г.) и значительно отличающійся отъ первыхъ трехъ типовъ слѣдующими своими особенностями (табл. IV, 25 и 26):

а) вертикальнаго „стержня" у этого знака вовсе не имѣется;

б) лѣвое крыло фигуры завершается большимъ узорчатымъ крестомъ съ прямоугольными или закругленными концами (двѣ разновидности);

в) надъ центромъ фигуры, вмѣсто стержня, изображенъ тонкій съ кружками на концахъ крестъ или полумѣсяцъ или какой-то неясный значекъ (три разновидности).

Монеты со знаками этого типа приписывались гр. Толстымъ вел. князямъ Святополку и Ярославу Владиміровичамъ

---

[1]) Эта, особенно для того времени, чрезвычайно художественно исполненная монета вызвала грубыя подражанія въ скандинавскихъ странахъ, причемъ знаку тутъ явно былъ приданъ характеръ стилизованной, летящей внизъ птицы (табл. I, 6). Это навело впослѣдствіи, черезъ прибалтійскія земли, къ ассоціаціи идеи птицы съ фигурой знака Рюрикова дома (см. прибалтійскія подвѣски, табл. II, 8 и V, 42, и кіевскія — табл. III, 18, 20, 21), а у нѣкоторыхъ ученыхъ XIX вѣка — къ объясненію фигуры какъ (будто бы) „голубя св. Духа" или „норманскаго ворона" (см. выше).

(„1-го и 2-го типа") — противъ чего рѣшительно высказались позднѣйшіе русскіе нумизматы.

Совершенно тотъ-же типъ знака (т. е. уже „двузубецъ)" — но въ упрощенномъ, схематическомъ изображеніи, а именно безъ бокового креста, безъ узоровъ и цвѣтовиднаго украшенія „острія", а также безъ всякихъ значковъ надъ фигурой, — изображенъ на обѣихъ сторонахъ одной привѣсной свинцовой печати (съ неразобранными надписями) изъ коллекціи пок. Н. П. Лихачева. А. В. Орѣшниковъ считалъ его — безъ достаточнаго основанія — возможнымъ прототипомъ всѣхъ описанныхъ выше знаковъ и, быть можетъ, даже знакомъ самого Владиміра Святого[1]).

Классификація этихъ типовъ знака съ ихъ разновидностями въ общихъ чертахъ не представляетъ, на нашъ взглядъ, особенныхъ трудностей.

Въ основу ея можетъ и долженъ быть положенъ знакъ самого Владиміра Святого, который, среди всѣхъ извѣстныхъ намъ знаковъ, опредѣляется съ весьма большой достовѣрностью. Это — маленькій „трезубецъ" на златникахъ и сребренникахъ, совершенно основательно принимавшихся почти всѣми нашими нумизматами (за исключеніемъ, въ послѣднее время, Орѣшникова) за монеты именно Св. Владиміра. Дѣйствительно, именно эти монеты представляютъ собою точное подражаніе монетнымъ византійскимъ типомъ времени Просвѣтителя Руси (съ изображеніями съ одной стороны Іисуса Христа, а съ другой — князя въ вѣнцѣ, съ крестовымъ скипетромъ и со „знакомъ") и находились обыкновенно вмѣстѣ съ иностранными монетами X—XI-го вѣка. Рѣшающимъ соображеніемъ является здѣсь общее сходство этого варіанта знака со знаками на двухъ обломкахъ кирпичей изъ кіевскихъ раскопокъ 1907 г. въ усадьбѣ г. Петровскаго (на мѣстѣ великокняжескаго дворца, уничтоженнаго пожаромъ въ 1017 году) и 1908 г. въ усадьбѣ Десятинной церкви, построенной въ 991—995 г.г. (табл. I, 3). Съ этимъ типомъ знака совпадаетъ и знакъ, который намъ удалось обнаружить на древней ливонской подвѣскѣ, найденной въ 1889 году въ Аллашѣ близъ Риги, въ одномъ погребеніи финскаго племени Ливовъ, вмѣстѣ съ монетой англійскаго короля Этельреда II (978—1016 г.), современника Владиміра Святого (табл. I, 2). Все это, вмѣстѣ взятое, не даетъ, казалось бы, основаній сомнѣваться въ принадлежности именно этого варіанта знака первому христіанскому русскому князю, и остается только удивляться, какъ могъ Орѣшниковъ въ своей столь основательной статьѣ игнорировать свидѣтельство (проводимыхъ и имъ также) „кирпичей" для опредѣленія прототипа родового знака Рюриковичей.

---

[1]) „Классификация древнейших русских монет по родовым знакам" въ „Известиях Академии Наук СССР. 1930. — Отделение Гуманитарных Наук", стр. 87—112,—фиг. 1 на стр. 93 и текстъ на стр. 95. „Простота" этого варіанта двузубца (табл. IV, 34) говоритъ скорѣе о дальнѣйшей его схематизаціи у болѣе отдаленныхъ потомковъ Ярослава.

Вторымъ безспорнымъ пунктомъ въ классификаціи древнихъ русскихъ монетъ и ихъ знаковъ является общепризнанная принадлежность изящной формы трезубца „Ярославля сребра“ именно вел. князю Ярославу Владиміровичу Мудрому (1019—1054).

Принадлежность остальныхъ варіантовъ знака является у нашихъ нумизматовъ и археологовъ пока еще весьма спорной, причемъ, однако, и тутъ ясно намѣчаются болѣе правильныя рѣшенія, опровергающія сложную и мало убѣдительную систему И. И. Толстого съ его, якобы, 4 различными типами сребренниковъ того-же князя Владиміра и 3 типами того-же Ярослава. Не вдаваясь здѣсь въ подробности этой нумизматической критики — главнымъ образомъ, Чернева, Петрова, Орѣшникова и Ильина — можно сказать, что въ настоящее время мнѣніе Толстого о принадлежности „2-го, 3-го и 4 го типовъ“ монетъ Владиміра Св. этому князю не встрѣчаетъ больше сторонниковъ, — хотя бы уже изъ-за типа этихъ сребренниковъ, весьма отличнаго отъ 1-го (безспорнаго) типа. Эти сребренники съ изображеніемъ князя и большимъ родовымъ знакомъ (нашего 2-го типа) на оборотной сторонѣ (табл. I, 7), теперь приписываютъ не Владиміру Св., а Владиміру Мономаху, и съ этимъ опредѣленіемъ можно вполнѣ согласиться, за исключеніемъ (какъ увидимъ ниже) сребренниковъ „Владиміра 2-го типа“. — Далѣе, рѣшительно никто болѣе не согласится съ отнесеніемъ нѣжинскихъ сребренниковъ съ тремя разновидностями „двузубца“ Святополку и Ярославу Владиміровичамъ. На самомъ дѣлѣ надписи этихъ двухъ послѣднихъ типовъ монетъ расшифровываются, какъ это давно уже замѣчено, именами „Димитрій“ и „Петръ“ — что, вмѣстѣ съ именемъ „Святополкъ“ даетъ для всей этой группы монетъ съ однороднымъ варіантомъ „знака“ вполнѣ естественное объясненіе: онѣ должны принадлежать членамъ одной и той-же семьи, носившимъ именно эти имена — а именно, вел. князю Изяславу-Димитрію Ярославичу († 1078) и его сыновьямъ Ярополку-Петру Туровскому († 1087) и Святополку II Михаилу Кіевскому († 1113).

Остается сдѣлать замѣчаніе относительно вѣроятныхъ — весьма рѣдкихъ — монетъ Святополка Окаяннаго. Какъ только что было сказано, сребренникъ съ этимъ именемъ и изображеніемъ князя, но со знакомъ семьи вел. князя Изяслава могъ принадлежать не ему, а только вел, князю Святополку II Михаилу. Святополку же Владиміровичу (1015—1019) остается отнести, какъ это и сдѣлалъ Толстой, единственный извѣстный пока сребренникъ съ его именемъ и большимъ знакомъ, представляющимъ собою увеличеніе знака Владиміра Св. (табл IX, 6 = наша табл. I, 4), а также, по нашему мнѣнію, и такъ наз. „сребренники Владиміра 2-го типа“. Это — по слѣдующимъ двумъ основаніямъ. Во-первыхъ, на всѣхъ извѣстныхъ пока „сребренникахъ Владиміра 2-го типа“ (вообще весьма

грубой чеканки) имени князя около его изображенія прочесть нельзя, между тѣмъ какъ одинъ экземпляръ съ именемъ „Святополкъ“ и двузубцемъ — отнесенный нами Святополку II — сохранилъ, какъ оказывается, слѣды перечеканки этой стороны (съ двузубцемъ) именно изъ сребренника „Владиміра 2-го типа“ (табл. Толстого IX, 5, ср. XI, 12); другими словами, до такой перечеканки существовали монеты съ именемъ Святополка и (увеличеннымъ) знакомъ Владиміра Святого, — каковыя, такимъ образомъ, могли принадлежать только Святополку Владиміровичу (подобно монетѣ на табл. Толстого IX, 6) Затѣмъ, во-вторыхъ, въ большомъ кладѣ, найденномъ въ 1858 г. близъ г. Ростока (въ Мекленбургѣ), имѣвшаяся тамъ монета „2-го типа Владиміра Св.“ находилась среди монетъ, позднѣйшая изъ которыхъ относится къ періоду 1012—1037 г., а слѣдовательно не могла принадлежать Владиміру Мономаху, которому въ настоящее время склонны относить и эти монеты

Такимъ образомъ, въ конечномъ результатѣ, весь нашъ нумизматическій матеріалъ древнѣйшихъ русскихъ монетъ можетъ быть классифицированъ — частью съ полной достовѣрностью, частью съ большимъ вѣроятіемъ — по времени правленія почти всѣхъ кіевскихъ великихъ князей отъ Владиміра Святого до Владиміра Мономаха, т.-е. за періодъ съ 980 по 1125 г., съ пропускомъ лишь совершенно неизвѣстныхъ еще монетъ Святослава и Всеволода Ярославичей (1073—1076 и 1078—1093) При этомъ знакъ самого Владиміра Святого, какъ было показано выше, опредѣляется съ достаточной несомнѣнностью и по его златникамъ и сребренникамъ, и по клейму на кирпичахъ его княжескаго дворца и Десятинной церкви, и наконецъ по изображенію на подвѣскѣ, найденной въ землѣ Ливовъ, находившейся со времени покоренія Полоцка въ сферѣ политическаго вліянія, если не прямого подчиненія, единодержавнаго великаго князя Кіевскаго и Новгородскаго.

III. Бытовые памятники древней Руси, отмѣченные родовымъ знакомъ семьи Владиміра Святого.

Сверхъ разобраннаго выше нумизматическаго матеріала къ изслѣдованію „загадочнаго знака“ старыхъ Рюриковичей еще съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка стали привлекаться, сначала только въ качествѣ вспомогательныхъ данныхъ, сходныя фигуры съ разныхъ памятниковъ древне-русскаго быта. Въ качествѣ такого вспомогательнаго матеріала — особенно важнаго для исторіи дальнѣйшаго развитія знака — первоначально имѣлись въ виду слѣдующіе бытовые памятники:

1. Такъ наз. Дорогичинскія пломбы, т. е. кусочки свинца, во множествѣ найденные въ древнемъ русско-польскомъ пограничномъ пунктѣ, гор. Дорогичинѣ на Зап. Бугѣ, и предпо-

ложительно служившіе въ XII—XIV вѣкахъ таможенными или торговыми клеймами. Они снабжены различными знаками буквеннаго или геометрическаго характера, частью представляющими собою какъ бы схематическое повтореніе знаковъ древнѣйшихъ русскихъ монетъ и княжескихъ печатей [1]).

2. Древній массивный серебряный перстень Московскаго Историческаго Музея съ характернымъ знакомъ, представляющимъ (какъ и орнаментъ перстня) несомнѣнное сходство со знаками на сребренникахъ Ярослава и семьи Изяслава Ярославича, въ схематической трактовкѣ [2]).

3. Кіевскія монеты XIV вѣка: въ прямой, хотя и отдаленной по времени, связи со знакомъ Владиміра Св. въ его перевернутомъ видѣ находится — по мнѣнію, высказанному еще гр. Гуттенъ-Чапскимъ, И. И Толстымъ и Болсуновскимъ— нанесенная на нихъ фигура хоругви (табл. III, 22). Монеты эти принадлежатъ князю Роману II Михайловичу Брянскому (ок. 1356—1364 г.) и князю Владиміру-Олельку Ольгердовичу (ок. 1364—1392 г.).

4. Печати обоихъ сыновей этого Владиміра Ольгердовича — Александра-Олелька (1433 и 1434 г.) и Андрея Владиміровича Брянскаго (1446 г.) со знаками, представляющими собою несомнѣнное дальнѣйшее развитіе и стилизацію этой „хоругви", въ трехугольныхъ готическихъ щитахъ [3]).

Къ этимъ матеріаламъ наше изслѣдованіе 1929 г. и работа Орѣшникова 1930 г. прибавили многочисленные новые варіанты „знака", почерпнутые изъ разсмотрѣнія самыхъ разнообразныхъ бытовыхъ памятниковъ древней Руси. Наконецъ, за послѣдніе 8 лѣтъ многими историками и археологами автору настоящихъ строкъ былъ любезно сообщенъ еще дальнѣйшій археологическій матеріалъ, касающійся исторіи „загадочной фигуры". Вотъ въ краткомъ перечнѣ, расположенный по этимъ тремъ группамъ, тотъ новѣйшій матеріалъ о знакѣ, который удалось собрать за послѣдніе 15—20 лѣтъ.

I. Уже въ нашей статьѣ 1929 г. указывались нѣкоторые не обратившіе еще до тѣхъ поръ на себя вниманіе бытовые памятники, отмѣченые различными варіантами „знака" (сверхъ упомянутой уже выше ливонской подвѣски временъ св. Владиміра):

---

[1]) Съ 1864 г. (гр. Тышкевичъ) Дорогичинскія пломбы имѣютъ довольно обширную литературу (Леонардовъ, Авенаріусъ, Болсуновскій и другіе). Болѣе или менѣе вѣроятнымъ представляется опредѣленіе лишь одной изъ этихъ плѣмбъ — съ именемъ Leo и со знакомъ, весьма близкимъ къ знакамъ на нѣкоторыхъ печатяхъ потомковъ Ярослава Мудраго (табл. IV, 35). Она приписывается Льву Даніиловичу Галицкому (1264—1301).

[2]) Описаніе и рисунокъ у Орѣшникова. Матеріалы къ русской сфрагистикѣ, въ "Трудахъ Московскаго Нумизматич. Общества", т. III, 1903. У насъ табл. IV, 28.

[3]) Табл. III, 23 и 24. См. о нихъ дальше стр. 102.

1) Вторая ливонская подвѣска, найденная въ 1897 году близъ м. Икскуля на Зап. Двинѣ въ богатомъ ливскомъ погребеніи, вмѣстѣ съ массивной цѣпочкой и двумя кёльнскими динарами 2-ой половины XII вѣка; имѣющійся на ней знакъ представляетъ собою ясно выраженное дальнѣйшее развитіе и орнаментировку фигуры сребренниковъ „Владиміра 3-го и 4-го типа", т.-е. фигуры, признаваемой нынѣ за знакъ Владиміра Мономаха (табл. II, 8; ср. I, 7).

2) Бронзовая привѣска изъ Эрмитажа, повидимому изъ Кіевщины, (на которую въ свое время обратилъ наше вниманіе г. Смирновъ), дающая по обѣимъ своимъ сторонамъ тотъ же варіантъ знака, но въ перевернутомъ видѣ и съ различными усложненіями рисунка, ясно переходящемъ уже въ позднѣйшую кіевскую „хоругвь" (табл. III, 21).

3) Найденный въ языческомъ эстонскомъ могильникѣ на островѣ Эзелѣ и хранящійся въ настоящее время въ музеѣ гор. Аренсбурга клинокъ древняго меча, совершенно исключительный по богатству и художественности отдѣлки — вѣроятно воинскій трофей, взятый у какого-нибудь русскаго князя,— украшенный среди разныхъ изображеній западно-европейскаго христіанско-рыцарскаго характера трижды повторяющеюся фигурой „загадочнаго знака", но безъ нижняго „острія",— въ формѣ трехъ соединенныхъ горизонтальнымъ основаніемъ колоннъ, напоминающей уже позднѣйшій Литовскій (или вѣрнѣе Полоцкій) гербъ „Колонны" (Kolumny). По характеру фигурныхъ украшеній меча онъ долженъ относиться къ XII или началу XIII вѣка (табл. II, 11).

4) Нѣкоторые „загадочные знаки" типа Дорогичинскихъ пломбъ — на восточно-европейскихъ монетахъ и печатяхъ XIII—XIV вв. Таковы, напр., знаки на рѣдчайшей монетѣ литовскаго князя Миндовга (христіанскаго періода его правленія), (табл. II, 17), знакъ вѣроятно русской надпечатки на одной монетѣ хана Джанибека (сред. XIV в., табл. IV, 37), знакъ на печати русско-литовскаго князя Даніила около 1366 г. (табл. IV, 36) и нѣкоторые другіе.

II. Чрезвычайно богатый, главнымъ образомъ сфрагистическій матеріалъ собранъ былъ Орѣшниковымъ въ его интереснѣйшей, цитированной уже статьѣ въ „Извѣстіяхъ Академіи Наукъ" 1930 г., въ значительной степени по археологическимъ предметамъ коллекціи Н. П. Лихачева и его Альбому къ „Матеріаламъ для исторіи византійской и русской сфрагистики". Если выдѣлить изъ этого матеріала все уже ранѣе извѣстное, то получится слѣдующій, все еще чрезвычайно значительный и важный „остатокъ" неопубликованныхъ до того времени археологическихъ данныхъ:

1) Около 20 княжескихъ (или принимаемыхъ за таковыя) вислыхъ печатей XI и XII вѣка, большею частью съ изображеніями святыхъ, тезоименитыхъ этимъ князьямъ, и съ раз-

личными знаками, изъ которыхъ восемь въ статьѣ и воспроизведены (№№ 1 и 21 по 27).

2) Великолѣпная шестиугольная бронзовая привѣска изъ собранія Лихачева съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ знака, подобнаго нашему 2-му типу (табл. I, 7) — вѣроятно, также временъ Владиміра Мономаха — но сложно орнаментированнаго, съ присоединеніемъ на одной сторонѣ фигуры птицы надъ среднимъ стержнемъ (табл. III, 18).

3) Тотъ же знакъ (и тоже съ „птицей"), но уже въ перевернутомъ видѣ, увѣнчанный крестомъ и такимъ образомъ ясно переходящій въ „хоругвь", — на обѣихъ сторонахъ другой, гораздо болѣе грубой по рисунку подвѣски изъ Эрмитажа, найденной въ Бѣлгородкѣ, близъ Кіева [1]).

III. Дальнѣйшій обнаруженный послѣ 1929—1930 гг. археологическій матеріалъ, касающійся знака семьи Владиміра Святого, сводится главнымъ образомъ къ слѣдующимъ бытовымъ памятникамъ, чрезвычайно важнымъ для его исторіи, но до сихъ поръ еще не привлекавшихся для изслѣдованія вопроса:

1) Обнаруженные при раскопкахъ, предпринятыхъ хранителемъ государственнаго музея въ Гроднѣ, г. Іодковскимъ, кирпичи княжескаго терема и стараго княжескаго храма въ названномъ городѣ, отмѣченные знаками, близко подходящими къ нѣкоторымъ знакамъ на княжескихъ печатяхъ, описанныхъ Орѣшниковымъ (табл. IV, 32 и 33); они принадлежали, очевидно, мѣстной русской княжеской династіи, а именно, потомству младшаго сына Ярослава Мудраго, Игоря-Юрія, просуществовавшей, какъ оказывается, до самаго татарскаго нашествія [2]).

2) Хранящіеся въ Виленскомъ Бѣлорусскомъ Музеѣ подлинные перстни двухъ Полоцкихъ князей XII-го вѣка, Бориса († 1128) и Всеслава II († послѣ 1181 г.), съ вырѣзанными на ихъ пластинкахъ-печатяхъ знаками, совершенно ясно представляющими собою ближайшее развитіе знака Владиміра Святого и Владиміра Мономаха [3]).

---

[1]) Табл. III, 20. Одной своей стороной она почти идентична третьей кіевской подвѣскѣ изъ Эрмитажа, упомянутой выше (табл. III, 21). Но орнаментировка „хоругви" на другой сторонѣ все-таки нѣсколько иная.

[2]) Подробности въ интереснѣйшей и обстоятельной статьѣ проф. А. В. Соловьева, Новыя раскопки въ Гроднѣ и ихъ значеніе для русской исторіи, въ „Запискахъ Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ" 1935 г., вып. 13, стр. 70—96 съ рисунками различныхъ знаковъ на стр. 82.

[3]) Табл. II, 9 и 10. — На эти перстни обратилъ наше вниманіе проф. А. В. Соловьевъ, а сдѣланное въ 1936 г. съ Виленскимъ Госуд. Архивомъ и Бѣлорусскимъ Музеемъ сношеніе привело къ любезной присылкѣ намъ гипсовыхъ оттисковъ обѣихъ печатей, а также описанія музея (Ант. Луцкевіч, Беларускі Музей ім. Івана Луцкевіча, Вільня 1933), гдѣ онѣ воспроизведены, съ расшифровкой надписи: к(ня)з(ь) Вс(ес)л(а)в(ъ) П(о)л(о)тск(ій), Всеславъ, очевидно, II-й, ибо знакъ его — дальнѣйшее отклоненіе отъ знака Владиміра Св. (отпаденіе „острія"). Нашъ рисунокъ—по увеличенной вдвое точной копіи гипсовыхъ оттисковъ, сдѣланной бар. Н. А. Типольтомъ.

3) Три новыхъ подвѣски изъ Латвіи (изъ Рижскаго Dommuseum), описанныя и воспроизведенныя въ докладѣ д-ра Клары Redlich [1]). Изъ нихъ одна, найденная въ развалинахъ замка Holme (Кирхгольмъ) на Зап. Двинѣ, совершенно идентична съ извѣстной уже намъ ливонской подвѣской XII вѣка изъ Икскуля (табл. II, 8), двѣ другія, происходящія также изъ Икскюля и изъ Эрлаа, представляютъ нѣкоторое (хотя и болѣе отдаленное) сходство съ позднѣйшими варіантами знака Владиміра Св.: одна (неизвѣстной эпохи, табл. II, 12) — съ полоцкимъ, а другая (XII вѣка, изъ богатаго ливскаго погребенія въ Икскулѣ)—съ кіевскимъ типомъ, съ птицей (табл. V, 45).

Нѣкоторые выводы изъ всего этого богатаго археологическаго матеріала напрашиваются сами собою и даютъ намъ возможность совершенно опредѣленно освѣтить художественно-геральдическое развитіе знака въ нѣкоторыхъ линіяхъ потомства Владиміра Святого въ теченіе XI и XII, а отчасти даже и послѣдующихъ вѣковъ.

IV. Видоизмѣненія знака семьи Владиміра Святого въ различныхъ линіяхъ великокняжескаго дома.

1. Родовой знакъ Полоцкихъ князей и „колонны" князей Литовскихъ [2]).

Благодаря виленскимъ перстнямъ двухъ Полоцкихъ князей, прежде всего, совершенно опредѣленно выясняется развитіе родового знака Рюриковичей въ этой старшей вѣтви семьи Владиміра Святого, въ частности въ подчиненныхъ имъ русско-ливонскихъ удѣлахъ по Зап. Двинѣ [3]). Дѣйствительно, эти перстни, подкрѣпленные, къ тому-же, по крайней мѣрѣ тремя упомянутыми выше ливонскими подвѣсками съ безспорнымъ изображеніемъ „знака" [4]), даютъ намъ, съ одной

[1]) Въ извѣстной рижской Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde 22 апрѣля 1936 г.: „Das Hoheitszeichen der Rurikiden im Gebiet der unteren Düna" (по поводу нашей упомянутой выше работы о придвинскихъ князьяхъ). Не напечатанный пока текстъ любезно сообщенъ намъ докладчицей.

[2]) Ср. табл. II.

[3]) Это были, считая отъ Риги вверхъ по Зап. Двинѣ: 1) княжество Кукеноисъ (Кокенгузенъ), захваченное нѣмцами въ 1208 г.; 2) княжество Герцике, признавшее въ 1209 г. вассальную зависимость отъ князя-епископа Рижскаго, и 3) Восточная Латгалія, въ 1217 г. выдѣленная княземъ Полоцкимъ въ управленіе княжичу Василько (по Татищеву). Подробности по исторіи первыхъ двухъ въ хроникѣ Генриха („Латыша") — Chronicon Lyvoniae — обнимающей 1186—1227 годы. Ср. упомянутую выше нашу нѣмецкую работу въ „Jahrbücher für Geschichte und Kultur der Slaven" 1935.

[4]) Табл. I, 2. (эпоха Владиміра Св.) и II, 8, — фибула, сохранившаяся въ двухъ экземплярахъ (см. выше). Эти три фигуры помѣщены на бляхахъ, которыя ливонскіе старшины получали, очевидно, для ношенія какъ отличіе, отъ мѣстныхъ русскихъ князей.

Оригинальная (можетъ быть женская) подвѣска на табл. V, 45, также изъ Латвіи, напоминаетъ „знакъ" только своей средней частью и, вѣроятно, не имѣла государственнаго значенія первыхъ трехъ фибулъ.

стороны, нѣсколько непосредственно вытекающихъ одно изъ другого изображеній „загадочной фигуры“ со временъ самого князя Владиміра (или, точнѣе, Изяслава Владиміровича, какъ перваго изъ Рюриковичей князя Полоцкаго), а съ другой — полное подтвержденіе высказаннаго нами въ 1929 и 1935 гг. предположенія о послѣдующемъ превращеніи этого знака, еще у князей Полоцкихъ, въ позднѣйшій Полоцкій и затѣмъ обще-литовскій гербъ такъ наз. „колоннъ“: трезубецъ на печати князя Всеслава II (1161—1181), откинувъ „остріе“ Владимірова знака, даетъ намъ явный прототипъ того знака, который трижды повторенъ на упомянутомъ выше ливонскомъ мечѣ (тебл. II, 11), тогда какъ эта послѣдняя фигура представляетъ собою уже прямой переходъ къ литовскимъ „колоннамъ“, — дожившимъ до нашего времени[1]).

2. Измѣненіе знака въ Кіевской землѣ и „хоругвь“ XIV—XV в.в.[2])

Затѣмъ, какъ на это указывали уже нѣкоторые предшествовавшіе изслѣдователи, теперь является полная возможность прослѣдить дальнѣйшее развитіе знака послѣ Владиміра Мономаха и въ Кіевской землѣ. Тутъ, прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе три кіевскихъ подвѣски съ птицами. Тѣ двѣ изъ нихъ (болѣе грубой работы), которыя изображаютъ знакъ въ перевернутомъ видѣ (III, 20 и 21), представляютъ собою, очевидно, позднѣйшій его варіантъ, служащій притомъ прямымъ переходомъ къ фигурѣ „хоругви“, появляющейся на кіевскихъ монетахъ XIV вѣка (III, 22); а отъ этихъ послѣднихъ — дальнѣйшій переходъ къ гербовымъ знакамъ на печатяхъ кіевскихъ князей Гедиминова племени (Олельковичей) XIV и XV вѣка[3]). — Такимъ образомъ, для Кіевской Руси мы можемъ установить совершенно ясную „генеалогію“ Владимірова знака въ теченіе почти 300 лѣтъ — отъ самого Просвѣтителя Руси до князей Кіевскихъ литовскаго происхожденія, — XV столѣтія, — принявшихъ эту эмблему (хоругвь), какъ уже своего рода территоріальный гербъ захваченнаго ими Кіевскаго княжества.

3. „Двузубецъ“ у нѣкоторыхъ потомковъ Ярослава Мудраго[4])

Какъ было уже указано выше, по монетамъ (главнымъ образомъ Нѣжинскаго клада) съ изображеніемъ разныхъ ва-

[1]) Рисунки на табл. II, 13, 14, 15, 16 — по печатямъ, монетамъ и другимъ гербовымъ изображенія изъ Литвы и Польши съ конца XIV до конца XVI вѣка. Ср. варшавскій журналъ „Herold“ 1935 № 11 и превосходную работу M. Gumowski, Pieczęcie Książąt Litewskich, въ „Ateneum Wileńskie“ VII (1930). Въ частности, курьезное превращеніе развившихся изъ „знака“ и непонятыхъ уже въ XVI вѣкѣ „колоннъ“ въ „крѣпость“ (II, 16) — по гербу на дукатахъ Сигизмунда Августа 1568 г.

[2]) См. табл. III.

[3]) Табл. III, 23 и 24 по Gumowski, op. cit.

[4]) См. табл, IV.

ріантовъ „двузубца" удалось установить наличность этой фигуры въ качествѣ семейнаго знака у трехъ князей изъ ближайшаго потомства Ярослава Мудраго — у его сына Изяслава (IV, 25) и внуковъ— Ярополка и Святополка Изяславичей (IV, 26). Не удивительно, что та же эмблема — т.-е. прежній трезубецъ, превратившійся благодаря изчезновенію средняго стержня въ двузубецъ, (различнымъ образомъ стилизованный или орнаментированный), появляется также и у другихъ потомковъ Ярослава, происходящихъ отъ трехъ другихъ его сыновей: Святослава-Николая, Всеволода-Андрея и Игоря-Георгія.

Къ сожалѣнію, опредѣленіе принадлежности того или другого варіанта знака тому или другому князю остается здѣсь еще часто гипотетичнымъ. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ въ нашемъ распоряженіи имѣется весьма недостаточный сфрагистическій матеріалъ — печати, оторванныя отъ грамотъ, слѣд. лишенныя всякой датировки, и къ тому-же часто не снабженныя никакими надписями. Руководящей нитью тутъ, такимъ образомъ, остается лишь изображеніе тезоименитыхъ святыхъ на аверсѣ печатей, а это далеко не всегда даетъ нужный ключъ къ загадкѣ, ибо то же самое христіанское имя могли, конечно, носить разные князья; кромѣ того, эти дошедшія до насъ крестныя имена въ послѣднее время нерѣдко оспариваются весьма компетентными учеными, предполагающими ошибку въ нашихъ источникахъ (напр. въ указаніяхъ Любецкаго синодика). Въ этомъ отношеніи достаточно сказать, что изъ 7 древнихъ знаковъ, взятыхъ съ княжескихъ печатей XI—XII вѣка, — расшифровку которыхъ предлагаетъ Орѣшниковъ — только 4 можно считать болѣе или менѣе достовѣрно опредѣленными [1]), изъ которыхъ однако два, XII-го вѣка — Юрія Владиміровича (Долгорукаго) и Всеволода (Димитрія) Юрьевича Суздальско-Владимірскихъ — настолько уже уклоняются отъ обычныхъ типовъ трезубца или двузубца XI-го вѣка, что ихъ скорѣе слѣдуетъ считать совершенно новыми, самостоятельными знаками отдѣлившейся отъ Кіева

---

[8]) Такими мы считаемъ слѣдующіе знаки (табл. IV): № 27 — вел. князя Всеволода-Андрея Ярославича (печать съ изображеніемъ св. Андрея Первозваннаго), № 29 — князя Олега-Михаила Святославича Черниговскаго (печать съ изобр. св. Михаила Архангела) и два новыхъ знака, приведенныхъ въ слѣд. примѣчаніи. Затѣмъ, знакъ № 30 (печать съ изобр. св. Георгія) долженъ принадлежать либо Игорю-Юрію Ярославичу Владиміро-Волынскому († 1060), либо Всеволоду-Георгію II Ольговичу Черниговскому († 1146). Н. П. Лихачевъ приписывалъ, однако, этому послѣднему знакъ № 31 (хотя печать изображаетъ св. Кирилла), полагая, что въ Любецкомъ Синодикѣ онъ названъ Георгіемъ ошибочно(?!). — Наконецъ знакъ на великолѣпномъ перстнѣ Историч. Музея (№ 28) мы скорѣе всего приписали бы в. кн. Святославу Ярославичу, знакъ котораго пока неизвѣстенъ. Догадка Орѣшникова, что онъ по крестному имени не Николай, а Георгій — и потому собственникъ знака № 30 — совершенно неправильна. Знаки №№ 32 и 33 — князей Городенскихъ, вѣроятно, Всеволодка († 1141). Ср. выше стр. 100.

княжеской линіи, — у которой старый Владиміровъ семейный знакъ больше и не встрѣчается [1]).

Такова общая картина эволюціи знака семьи Владиміра Святого. Въ конечномъ результатѣ мы получаемъ слѣдующую, какъ кажется, довольно опредѣленную и убѣдительную генеалогію Владимірова знака, сведенную у насъ въ 4 таблицы, иллюстрирующія главныя теченія въ его 500-лѣтнемъ развитіи:

1) Знакъ Владиміра Святого и его семьи въ тѣсномъ смыслѣ слова (Изяславъ, Святополкъ, Ярославъ).

2) Знакъ его потомства старшей линіи — Изяславичей-„Рогволодовичей", въ Полоцкѣ и ихъ ливонскихъ удѣлахъ.

3) Знакъ Владиміра Мономаха въ „перевернутомъ" видѣ и его превращеніе въ „хоругвь" въ землѣ Кіевской.

4) Знакъ-двузубецъ у нѣкоторой части потомства Ярослава Мудраго, главнымъ образомъ въ волостяхъ Черниговской, Волынской и Городенской.

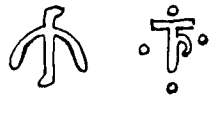
Не невѣроятно, наконецъ, что рядомъ съ этими постоянными превращеніями знака въ различныхъ областяхъ русской земли (двузубецъ, хоругвь, колонны) шло его перерожденіе и въ другія формы древне-русской художественной орнаментаціи: можетъ быть, въ связи съ очертаніемъ Владимірова трезубца у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ князей возникли особыя формы „процвѣтшаго креста" (напр. на чарѣ князя Владиміра Давидовича Черниговскаго 1139—1151 г., знакъ на гривнѣ одного суздальскаго оплечья XII вѣка и др.) и уже навѣрно нѣкоторыя прорѣзныя „ленточныя" угловыя украшенія заставокъ и концовокъ въ русскихъ рукописяхъ XIII—XIV вѣковъ, со всѣми имъ подобными фигурами народнаго искусства конца русскаго средневѣковья. Новѣйшія раскопки въ Россіи — въ Тмутаракани, Кіевѣ, Владимірѣ, Твери — навѣрно еще увеличатъ нашъ археологическій матеріалъ, касающійся „знака".

V. Родовой характеръ „знака" и объясненіе его фигуры.

Установленныя нами данныя позволяютъ сдѣлать нѣкоторые выводы относительно значенія знака и in genere, и in specie.

По вопросу о томъ, каково было его назначеніе, т.-е. къ какой категоріи знаковъ онъ относится, мы можемъ опредѣленно сказать, что онъ дѣйствительно представлялъ собою *родовой знакъ* осѣвшаго въ Россіи варяжскаго княжескаго

[1]) Странные знаки, приписываемые этимъ князьямъ, помѣщены у Орѣшникова на стр. 101, № 27 и 25, текстъ на стр. 107—109, по печатямъ XII вѣка съ изображеніями св. Георгія и св. Димитрія. Не стоитъ ли такой явный отказъ отъ Владимірова знака въ связи съ упорной борьбой этихъ князей съ Кіевомъ и, можетъ быть, съ сомнительной легитимностью происхожденія Юрія Долгорукаго? (Была ли скончавшаяся около 1103 г. „Юрьева мать" законной женой Владиміра Мономаха?).



дома, семьи „стараго Игоря". Въ самомъ дѣлѣ, изъ приведенныхъ выше данныхъ видно: 1) что въ первичной дошедшей до насъ формѣ загадочная фигура была еще языческимъ символомъ („освященіе" фигуры крестомъ появляется только въ нѣкоторыхъ болѣе позднихъ варіантахъ), причемъ въ традиціонной формѣ, безъ креста, она удерживается въ старшей линіи княжескаго дома, у Полоцкихъ князей; 2) что она была, очевидно, не личнымъ знакомъ Владиміра Св. (который, вѣроятно, оставилъ бы его послѣ крещенія), а именно уже старой эмблемой всего его рода, и 3) что дальнѣйшее ея развитіе съ разнообразными измѣненіями у отдѣльныхъ членовъ рода или его линій какъ нельзя лучше подходитъ къ обычному свойству „измѣняемости" родовыхъ знаковъ, извѣстному намъ изъ фольклора разныхъ временъ и народовъ[1]). Словомъ, какъ и предполагали нѣкоторые прежніе изслѣдователи, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ своего рода „гербомъ" Игорева дома, возникшимъ, какъ и многіе другіе подобные знаки у правящихъ и знатныхъ фамилій Европы, еще задолго до появленія государственныхъ или семейныхъ гербовъ въ собственномъ смыслѣ слова (XII вѣкъ). Нѣкоторые изъ этихъ прежнихъ изслѣдователей ошиблись лишь въ томъ, что этому родовому знаку, имѣвшему именно общее значеніе, ограничительно приписывали специфическое значеніе либо символа государственной власти, либо клейма финансоваго характера, либо знака личной или семейной собственности князя. *Все* это онъ могъ обозначать, судя по обстоятельствамъ — такъ же, какъ гербъ болѣе новаго времени — и все это сливалось въ его общемъ значеніи, какъ символа принадлежности ряда лицъ къ одному и тому же правящему роду.

Значеніе знака „in specie", т.-е. объясненіе того, что онъ собственно изображалъ, также разъясняется полученными данными. Очевидно, что фигура X, отдѣльныя части которой могли отпадать или замѣняться другими, а сама фигура перевертываться безъ ущерба для ея постояннаго символическаго значенія, не могла, по крайней мѣрѣ первоначально, представлять собою *никакого реальнаго предмета* видимаго міра. Равнымъ образомъ отпадаетъ въ данномъ случаѣ и теорія „монограммы" (будь то греческой, славянской или рунической), ибо — помимо того, что „знакъ" ни въ какой мѣрѣ не напоминаетъ бывшіе въ то время въ употребленіи монограмматическіе знаки (совершенно опредѣленнаго буквеннаго характера) — весма ненаучный пріемъ произвольнаго „разрѣза" любой геометрической фигуры на отдѣльныя „буквы" можетъ, очевидно, всегда дать въ результатѣ любое сочетаніе буквъ

[1]) Родовые знаки у всѣхъ народовъ имѣютъ весьма значительную литературу. „Hantgemâl" и „Haus- und Hofmarken" германскаго міра со всѣми ихъ индивидуальными измѣненіями нашли извѣстнаго изслѣдователя въ Homeyer'ѣ (1852 и 1870). Въ Россіи — довольно многочисленныя работы объ инородческихъ знакахъ и тамгахъ.

и словъ по любому алфавиту, въ зависимости отъ фантазіи автора данной гипотезы[1]). Остается принять съ полной увѣренностью, какъ это гипотетически уже высказывалось и раньше (Толстой, Кондаковъ, Левшиновскій), что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *условной геометрической фигурой*, съ извѣстнымъ *орнаментомъ*,— что въ эпоху, предшествовавшую возникновенію въ Европѣ гербовъ въ собственномъ смыслѣ слова, было далеко не рѣдкимъ явленіемъ.

VI. Происхожденіе „знака“ и его первоначальное значеніе[2]).

Если знакъ Владимірова дома представляетъ собою не болѣе, какъ извѣстный узоръ, орнаментъ,—то совершенно ясно, что вопросъ о его происхожденіи сводится къ отысканію той художественной среды, въ которой былъ въ ходу или могъ возникнуть подобный орнаментъ.

Въ виду банальности общей концепціи самой фигуры, повторяющейся во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, — два боковыхъ „крыла“, симметрически примыкающихъ къ центральному ядру или стержню[3]), — разрѣшить нашъ казусъ, очевидно, возможно только перенеся центръ тяжести изслѣдованія на какую-нибудь характерную художественную деталь фигуры. Такими специфическими особенностями Владимірова знака представляются намъ его общій характеръ ленточнаго переплета, его оригинальное цвѣтовидное центральное ядро, перехватъ или узелъ, а также привходящіе впослѣдствіи дополненія или украшенія фигуры (кресты опредѣленнаго типа, птицы и пр.). По всѣмъ этимъ художественнымъ деталямъ несомнѣнной кажется *скандинавская* родина „знака“ [5]). Въ частности, центральная прорѣзная пряжка или перехватъ попадается во множествѣ на самыхъ разнообразныхъ предметахъ

---

[1]) Методъ Болсуновскаго—разрѣзавшаго „знакъ“ на греческія буквы (довольно фантастическаго начертанія) и получившаго слово Basileus(!)— нашелъ, къ удивленію, одобреніе акад Соболевскаго (и проф. Грушевскаго?), а въ наши дни привелъ къ оригинальному „украинскому“ выводу: г. Пачовський разрѣзалъ знакъ по своему и получилъ слова ... „Україна Володимира“!.. См. этотъ курьезъ въ журналѣ „Український скиталець“ 1923 года.

[2]) См. табл. V: различные фигуры и орнаменты, аналогичные знаку семьи Владиміра Св.

[3]) Руководствуясь только в н ѣ ш н и м ъ сходствомъ съ Владиміровымъ „трезубцемъ“, можно прямо заблудиться въ древнѣйшихъ человѣческихъ идеограммахъ —китайскаго, индійскаго, сумерійскаго, египетскаго, древне-греческаго, иранскаго, скиѳскаго, кельтскаго или германскаго міра. Любопытныя въ этомъ отношеніи данныя см. напр. въ работѣ C. J. Bell, Chinese and Sumerian (London 1913) — по любезному сообщенію проф. барона Р. Унгернъ-Штернберга (Нагасаки).

[5]) См. фигуры шведскихъ руническихъ камней (табл. V, 41—43). Рис. 43 изображаетъ узоръ обломка руническаго камня изъ Lidingo близъ Стокгольма, только что изслѣдованнаго (августъ 1938 г.) Ср. прим. 1 ниже и фигуру кіевскихъ кирпичей (табл. I, 3).

шведскаго и спеціально готландскаго искусства IX—XII в. (подвѣски, фигуры, пряжки, наконечники мечей), которые извѣстны намъ по археологическимъ находкамъ въ Прибалтійскомъ краѣ и въ той какъ разъ части Россіи, которая служила ближайшей ареной варяжской колонизаціи (Приладожскіе и Тихвинскіе курганы, Люцинскій могильникъ, мечи изъ Treiden, Putel и Paddas, Гнѣздово и пр.)[1]).

Въ области шведской бытовой археологіи этотъ мотивъ лилейнаго узла или перехвата ленточныхъ орнаментовъ также весьма извѣстенъ и повторяется тамъ въ безконечныхъ варіаціяхъ въ теченіе многихъ вѣковъ. Это — занесенная въ Швецію еще въ ранніе средніе вѣка изъ Ирландіи — быть можетъ, не безъ восточныхъ орнаментаціонныхъ вліяній (Arne), — такъ наз. „ирландская соединительная пряжка“ („irische Verbindungsschnörkel“, „irische Bandschleife“, которую представители шведской археологіи считаютъ даже „выдающимся мотивомъ“ и „типичнымъ орнаментомъ“ всего „шведско-ирландскаго стиля“ (Sophus Müller)[2]). Мало того, углубляясь въ эту область, мы легко обнаружимъ, что не только этотъ соединительный перехватъ, но, вмѣстѣ съ нимъ, и весь трехчастный орнаментъ Владимірова знака находитъ немало близко напоминающихъ его прототиповъ въ Швеціи временъ викинговъ. Въ частности, слѣдуя за тѣмъ же S. Müller'омъ, мы обнаруживаемъ, что нигдѣ эта Bandschleife — а за ней и все общее очертаніе нашего древняго княжескаго знака — не встрѣчается такъ часто, какъ на *руническихъ камняхъ* средней Швеціи. Достаточно пересмотрѣть главныя посвященныя имъ изданія (Dybeck, Stevens), чтобы срезу натолкнуться на многочисленную группу памятниковъ, ленточно-змѣиный орнаментъ которыхъ въ основной своей части представляетъ прямой и ясный прототипъ всего орнамента русской „загадочной фигуры“ (V, 41—43).

Однако, какъ было замѣчено выше, въ случаѣ правильнаго рѣшенія нашей задачи, отысканный иноземный прототипъ „знака“ не только долженъ быть съ нимъ достаточно схожъ, но и обладать всѣми его оригинальными художественными свойствами. Орнаменты руническихъ камней отвѣчаютъ и этому требованію, ибо и они подвергаются какъ разъ тѣмъ же варіаціямъ, какъ и изображеніе знака: основной узоръ ихъ точно

---

[1]) Для примѣра здѣсь приводится богатый наконечникъ меча изъ Трейдена, нынѣ въ Рижскомъ Dommuseum (V, 47). Этотъ, а также другіе рисунки предметовъ изъ того же музея намъ любезно присланы г. А. Фейерейзеномъ и д-ромъ Кларой Редлихъ (Рига).

[2]) См. рис. 44, какъ примѣръ „шведско-ирладской пряжки“. Ея часто встрѣчающаяся цвѣтовидная орнаментація, повидимому, дѣйствительно примыкаетъ къ византійско-восточнымъ образцамъ „крина“. Ср аналогичные лилейные „узлы“ на такъ наз. „саблѣ Карла Великаго“ (рис. 46 и 49) — по мнѣнію знатоковъ безспорно восточнаго происхожденія, VIII—IX в., — представляющей собою самый древній предметъ среди регалій старыхъ германскихъ императоровъ (по Bock, Die Kleinodien des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation, Wien 1864).

такъ же способенъ „перевертываться", усѣкаться (устраненіемъ стержня или острія) или дополняться такими-же украшеніями (крестомъ, который можетъ передвигаться къ одному изъ крыльевъ, лентами, птицей на крестѣ и пр.), причемъ художественный типъ этихъ мотивовъ (кресты, птица) совершенно тотъ же, что и на нашихъ монетахъ. Словомъ, на полу-языческихъ, полу-христіанскихъ руническихъ камняхъ Швеціи X—XII в. мы констатируемъ художественную эволюцію орнамента совершенно аналогичную и параллельную измѣненіямъ знака Владиміра Св. за тотъ же періодъ (ср. рис. V, 41—43) — до его полнаго превращенія въ иныя изображенія (хоругвь, процвѣтшій крестъ, „колонны"). Наконецъ, среди шведскихъ фигуръ, схожихъ съ русскими „знаками", есть даже одинъ экземпляръ, вводящій изслѣдователя въ соблазнъ по этому знаку презюмировать прямую генеалогическую связь между русской княжеской семьей и соотвѣтствующимъ родомъ шведскихъ ярловъ.

Дѣло въ томъ, что въ одной изъ древнѣйшихъ церквей Швеціи, въ соборѣ св. Маріи въ Скара, — основанномъ еще въ 1017 г. ярломъ Рогволодомъ (Ragnvald), близкимъ родственникомъ Ингигерды, жены Ярослава Мудраго, и, по сагамъ, правителемъ полученной имъ отъ этого послѣдняго въ ленъ Ладожской волости (Aldeigjuborg) и „Ингерманландіи", — сохранилась любопытная скульптура, изображающая голову какого-то короля (самого основателя церкви, либо св. Эрика, потомка этого Рогволода) съ непосредственно подъ ней высѣченнымъ изъ камня „знакомъ", чрезвычайно напоминающимъ „загадочную фигуру" семьи старога Игоря-Ingvar'a (рис. V, 40). Не происходили ли оба они изъ той же семьи древнихъ королей и ярловъ — потомковъ полу-сказочныхъ шведскихъ „Инговъ" или „Скіольдунговъ"[1])?

Какъ бы тамъ ни было, шведское происхожденіе Владимірова знака — между прочимъ, подтверждающее и варяжское происхожденіе кіевской династіи, — не подлежитъ сомнѣнію. Остается еще постараться отвѣтить на послѣдній вопросъ. Какой *внутренній смыслъ* могъ имѣть этотъ орнаментъ, съ могильныхъ плитъ шведскихъ викинговъ перенесенный, въ видѣ княжеской эмблемы, въ ихъ новую „Stora Sviljod" („Великую Швецію"), какъ они называли свою русскую колонію? Тутъ возможны два объясненія, и справедливой окажется, вѣроятно, комбинація ихъ обоихъ.

Съ одной стороны, знакъ въ формѣ ленточнаго переплета съ лилейнымъ узломъ посрединѣ очевидно относится къ довольно многочисленной въ средневѣковой бытовой археологіи группѣ различныхъ „узловъ" (noeuds, lacs d'amour и

[1]) Это — согласно выводамъ нашего замѣчательнаго знатока „норманскаго вопроса", Н. Т. Бѣляева. См. въ особ. его работу: Рорикъ Ютландскій и Рюрикъ русскихъ лѣтописей, въ „Seminarium Kondakovianum" III (Прага 1929).

прочее) безспорно имѣвшихъ *магическое значеніе „заговора“*, привораживанья счастья и заклинанія зла[1]). Изъ разбираемой эпохи можно привести, какъ параллельное явленіе, оригинальный ленточный переплетъ и узелъ на знаменитомъ руническомъ камнѣ съ Распятіемъ въ Jelinge, поставленномъ королемъ Гаральдомъ, просвѣтителемъ Даніи, своему отцу Горму Старому (сред. X вѣка).

Съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду, что Владиміровъ знакъ во всѣхъ своихъ изображеніяхъ и варіантахъ неизмѣнно отличается отъ указаннаго скандинавскаго руническаго орнамента рѣзко выраженной прямоугольностью своихъ очертаній (нижней части своихъ „крыльевъ“), сохраняя такимъ образомъ форму прямолинейнаго трезубца. Трезубецъ-же — не только одна изъ древнѣйшихъ, широко распространеныхъ въ Европѣ и Азіи эмблемъ власти (въ частности, власти надъ моремъ), но и завѣтный символъ, именно въ этомъ своемъ значеніи бывшій хорошо извѣстнымъ въ обширномъ раіонѣ дѣйствій древнихъ скандинавскихъ викинговъ — отъ Британскихъ острововъ черезъ Сѣверное и Балтійское море, черезъ Волжскій, Днѣпровскій и Нѣманскій великіе пути „изъ Варягъ въ Греки“, до Царьграда: знаку морского трезубца на древнѣйшихъ „шеаттахъ“ задолго до нашего „призванія Варяговъ“[2]) отвѣчаетъ замѣченный г. С. Хр. Энсвольдсеномъ (Копенгагенъ) трезубецъ не монетѣ короля датскаго Хорика младшаго (854—870)[3]), а въ X-мъ вѣкѣ — цвѣтовидный трезубецъ въ десницѣ архангела Михаила на печати варяжской стражи византійскаго басилевса какъ разъ въ эпоху Владиміра Святого[4]).

Такимъ образомъ, въ конечномъ итогѣ, наша „загадочная фигура“ является, навѣрно, не чѣмъ инымъ, *какъ стилизаціей фигуры морского трезубца, какъ древнѣйшей эмблемы власти, въ привычныхъ для пришедшихъ въ Россію Варяговъ формахъ руническаго орнамента.* Къ этому скандинавскому художественному синтезу полному, какъ мы видѣли, магическихъ представленій, на новой родинѣ этихъ старыхъ

---

[1]) Историческій „узелъ“ Савойскаго дома, появляющійся рядомъ съ его гербомъ (крестомъ) на печатяхъ и разныхъ изображеніяхъ еще въ средніе вѣка, просуществовалъ до XX-го вѣка и украшаетъ собою — вмѣстѣ съ ликторскими связками — недавно утвержденную форму итальянскаго герба (апрѣль 1929 г.).

[2]) Рис. на табл V, 38 по Н. Т. Бѣляеву, О географическомъ распредѣленіи кладовъ съ англо-саксонскими и французскими монетами VII—IX-го вѣка („шеаттами“), въ „Seminarium Kondakovianum“, VIII (1936), табл. VII, 7 и стр. 208.

[3]) Письмо въ редакцію въ „Возрожденіи“ 26 августа 1938 г.

[4]) Табл. V, 39 по *Schlumberger*, Un Empereur byzantin au dixième siècle, Nicéphore Phocas (Paris 1890), стр. 49. Какъ видно изъ греческой надписи на оборотной сторонѣ печати, она принадлежала нѣкоему Михаилу, главному „переводчику“ варяжской императорской стражи въ Константинополѣ. Это былъ очень высокаго ранга сановникъ, съ греческой стороны оффиціально возглавлявшій англо-скандинаво-русскую военную колонію въ Восточной Имперіи.

„Скіольдунговъ" не преминули затѣмъ присоединиться и соотвѣтствующія славянскія народныя представленія[1]). Обвѣянный такимъ таинственно-священнымъ престижемъ, этотъ знакъ семьи Владиміра Святого и сдѣлался на много вѣковъ драгоцѣннымъ символомъ всего Рюрикова дома — просуществовавшимъ въ своихъ нумизматическихъ, сфрагистическихъ и геральдическихъ видоизмѣненіяхъ, въ концѣ концовъ, до нашего времени[2]).

VII. Значеніе родового знака Рюриковичей въ общественномъ и государственномъ бытѣ древней Руси.

На основаніи выяснившихся выше фактовъ, въ заключеніе не безъинтересно подвести итогъ значенію „знака" Владиміра Святого въ общественной и государственной жизни домонгольской Руси. Что обозначалъ собою на всемъ пространствѣ „Земли Русской" этотъ магическій скандинавскій трезубецъ — въ глазахъ членовъ княжеской семьи, ихъ дружинниковъ, народа, наконецъ, иностранцевъ? Конечно, какъ мы видѣли выше, это былъ прежде всего завѣтный знакъ власти и собственности князя. Но, кромѣ того, что онъ собой символизировалъ, когда въ тѣхъ или другихъ варіантахъ его встрѣчали въ Кіевѣ и въ Полоцкѣ, въ Галичѣ и въ Черниговѣ, на берегахъ Дона и на берегахъ Нѣмана? Думается, что такое его распространеніе краснорѣчиво говорило о тройномъ (или троякомъ) *единствѣ* въ государственномъ и соціальномъ строѣ древней Руси.

Прежде всего, въ теченіе всего до-татарскаго періода этотъ знакъ указывалъ, конечно, на *единство княжескаго рода*, — до нашихъ дней служа доказательствомъ принадлежности лицъ его употреблявшихъ къ „Рюриковичамъ", къ потомству „стараго Игоря", къ семьѣ Владиміра Святого. Въ этомъ смыслѣ появленіе въ кругѣ нашего научнаго анализа печатей Полоцкихъ князей съ этимъ знакомъ окончательно устранило, напр., на нашъ взглядъ, всякое сомнѣніе въ дѣйствительномъ происхожденіи „Рогволодовичей"—этихъ искон-

---

[1]) Оказывается, что до нашего времени въ нѣкоторыхъ глухихъ углахъ русскихъ Карпатъ народнымъ заклинательнымъ знакомъ, рисуемымъ подъ Рождество или на Крещеніе на дверяхъ хатъ, является не крестъ, а схематическая фигура Владимірова знака, въ прямомъ или перевернутомъ видѣ (табл. V, 48). Сообщеніе д-ра Кузеля и проф. Д. Дорошенка на нашемъ докладѣ о „Трезубцѣ" въ засѣданіи Украинскаго Научнаго Института въ Берлинѣ 20 янв. 1928 г. См. журналъ „Тризуб" (Парижъ), 1928, № 6, стр. 15.

[2]) Позднѣйшее „потомство" Владимірова знака можно видѣть въ русско-литовско-польскихъ гербахъ „Сырокомля", „Друцкъ" и „Радванъ", съ ихъ разновидностями, въ частности, въ засвидѣтельствованномъ съ 1423 г. гербовомъ знакѣ князей Путятъ-Путятиныхъ. — Въ наше время (1918 г.) Владимировъ трезубецъ примѣнительно къ одной изъ лучшихъ своихъ формъ (табл. I, 7) былъ, какъ извѣстно, возстановленъ въ качествѣ герба „Украинской державы".

ныхъ враговъ Кіевскихъ „Ярославичей“ — отъ того-же вел. князя Владиміра Святославича [1]). И, обратно, слишкомъ рѣзкое отклоненіе въ начертаніи „знака“ отъ основного Владимірова типа, другими словами, фактическая его замѣна другимъ знакомъ, несомнѣнно указываетъ на появленіе какого-то глубокаго раскола въ княжеской семьѣ, доходившаго очевидно до отверженія моральнаго единства такой новой династіи съ остальными родичами [2]).

Далѣе, общность знака знаменовала собою, конечно, и *единство Земли Русской,* — несмотря на всѣ ея дѣленія на болѣе или менѣе самостоятельныя волости-княжества и несмотря на всю непрекращающуюся „котору“ между князьями-правителями этихъ волостей. Всетаки, — хоть „мечь взимаютъ Роговоложи внуци противу Ярославлимъ внукомъ“ (Лавр.) — Полоцкіе князья пользуются тѣмъ-же „гербомъ“, что и великіе князья Кіевскіе, а, слѣдовательно, и Полоцкая земля, вмѣстѣ съ другими волостями русскими, такъ сказать, демонстративно считаетъ себя входящею въ составъ той-же великой „Земли Русской“. Въ этомъ отношеніи, даже еще въ эпоху XIII-го вѣка, при фактическомъ установленіи полной самостоятельности нѣкоторыхъ крупныхъ русскихъ территорій (Кіева, Суздаля-Владиміра, Новгорода, Смоленска, Галича-Волыни и др.) съ подчиненіемъ, затѣмъ, части ихъ Татарамъ, идея единства ихъ еще долгое время отражается въ ихъ общемъ „знакѣ“: отдаленнымъ варіантомъ знака Владиміра Святого отмѣчена и въ срединѣ XIII вѣка пломба Льва Галицкаго (табл. IV, 35), и въ срединѣ XIV вѣка ханская монета Джанибека, обращавшаяся въ восточной, подъяремной Руси (табл. IV, 37).

Третье единство, о которомъ здѣсь можетъ идти рѣчь, было *единство культурное.* Оно уже переливалось за предѣлы собственной Земли Русской, захватывая собою менѣе культурные „лимитрофы“. Въ этомъ отношеніи нельзя игнорировать, конечно, такіе факты, какъ появленіе въ XI—XII вѣкахъ грубыхъ имитацій прекрасныхъ византійско-русскихъ сребренниковъ Ярослава Мудраго въ Скандинавіи, или распространеніе полоцкихъ привѣсныхъ фибулъ со знакомъ Владиміра Святого или Владиміра Мономаха въ Ливоніи вплоть до Балтійскаго моря или, наконецъ, усвоеніе той же эмблемы трезубца (въ специфически полоцкой формѣ) только еще выходившимъ на политическую арену литовскимъ племенемъ, повидимому уже съ временъ самаго яркаго его представителя въ

1) Еще въ 1935 г., въ своихъ „Dünafürsten“, авторъ этихъ строкъ былъ склоненъ, вслѣдъ за Пархоменко, считать Полоцкихъ князей совершенно особой мѣстной норманской династіей, только впослѣдствіи, въ связи со сказаніемъ о трагедіи Рогнѣды, „приписанныхъ“ въ лѣтописи къ потомству Владиміра Святославича. Теперь отъ этого взгляда приходится отказаться.

2) См. выше стр. 104, прим. 1, по поводу суздальско-владимірской вѣтви великокняжескаго дома.

XIII вѣкѣ, „короля“ Мендовга[1]). Неудивительно, что, вѣроятно благодаря бракамъ двухъ „Ярославенъ“, родовой знакъ ихъ семьи отразился на бытовыхъ памятникахъ и Норвегіи, и далекой Франціи...[2]).

Таковы основные выводы, къ которымъ приходитъ современная историческая наука на основаніи богатаго, какъ мы видѣли, археологическаго матеріала, открытаго въ значительной степени только уже въ наше время. „Загадка“ родового знака семьи Владиміра Святого теперь, какъ кажется, разрѣшена: его происхожденіе и объясненіе его фигуры, ея первоначальное („магическое“) значеніе и значеніе послѣдующее, какъ родовой эмблемы княжеской власти и собственности, ея видоизмѣненія въ теченіе вѣковъ въ разныхъ волостяхъ-княжествахъ древней Руси, и классификація этихъ варіантовъ, наконецъ его общественно-государственная символика, какъ признакъ единства Земли Русской, — все это можетъ почитаться въ настоящее время уже въ достаточной мѣрѣ выясненнымъ.

Мюнстеръ (Вестфалія).
Іюль—августъ 1938 г.

---

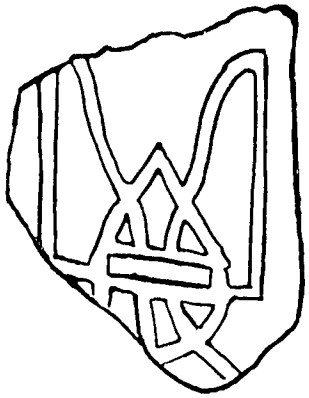
[1]) Если знакъ на монетѣ Мендовга (табл. II, 7). еще можетъ быть объясненъ (въ перевернутомъ видѣ) какъ „освященная“ буква М, то знаки литовскихъ „колоннъ“ на печатяхъ и монетахъ со второй половины XIV вѣка уже во всякомъ случаѣ прямые продолжатели знака на мечѣ изъ Lilimada и на полоцкихъ перстневыхъ печатяхъ XII столѣтія.

[2]) Именно въ Норвегіи были найдены 2 экземпляра изъ весьма рѣдкихъ изображеній монетъ Ярослава (Ильинъ, Топографія кладовъ, стр. 18), а относительно Франціи имѣется слѣдующій удивительный фактъ. Мѣстные геральдики XVI вѣка, ретроспективно придумывая гербъ королевѣ Аннѣ Ярославнѣ — при которой настоящихъ гербовъ еще не было,— изображаютъ, по всѣмъ правиламъ позднѣйшаго геральдическаго искусства, вертикально разсѣченный „ромбъ“, лѣвая (или геральдич. правая) сторона котораго усѣяна французскими лиліями, тогда какъ правая („женская“) сторона заключаетъ въ себѣ весьма странную фигуру раскрытыхъ воротъ. Совершенно ясно, что, какъ фигура позднѣйшей литовской „крѣпости“ (табл. II, 16), такъ и эти ворота — непонятый знакъ ея отца, Ярослава. Остается загадочнымъ, на какомъ предметѣ, вывезенномъ ею изъ Кіева, эти королевскіе геральдики 500 лѣтъ спустя могли правильно усмотрѣть — но неправильно истолковать — отцовскій гербъ Анны Ярославны?

Рисунокъ изъ книги Claude Paradin, Alliances généalogiques des rois de France, Lyon 1561, воспроизведенъ въ статьѣ И. Борщака, Анна Ярославна, въ журн. „Стара Україна“ Львъ. 1925, стр. 103.

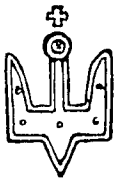
1

2



3

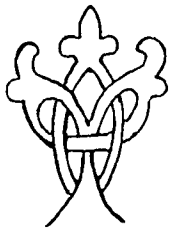
4



5

6

7



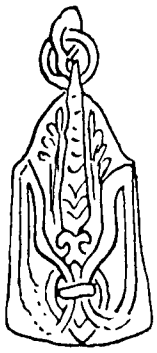
а

в

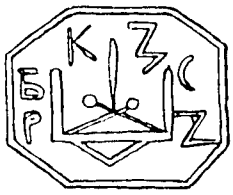
с

1—7. Разновидности родового знака Рюриковичей
(а, в и с — заставки изъ русскихъ рукописей XIII—XIV в.).

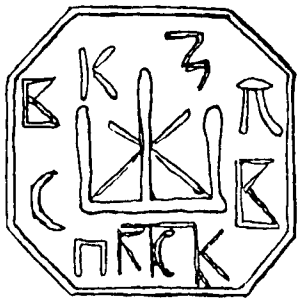
Таблица II.



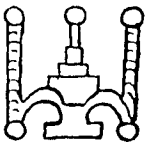
8



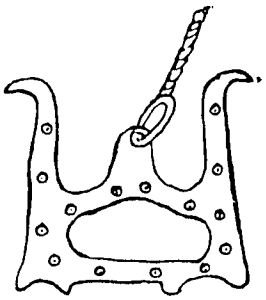
9



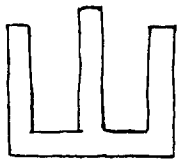
10



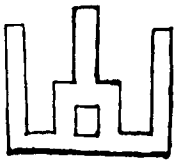
11



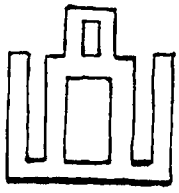
12



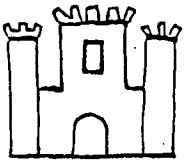
13



14

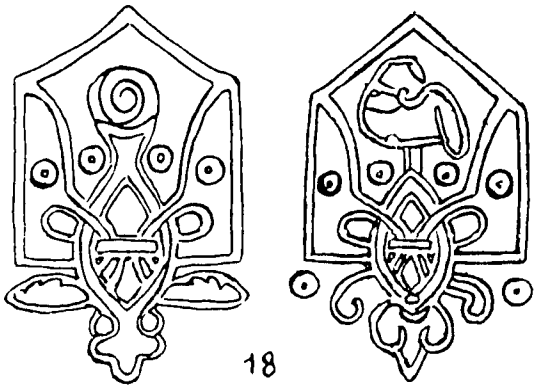


15



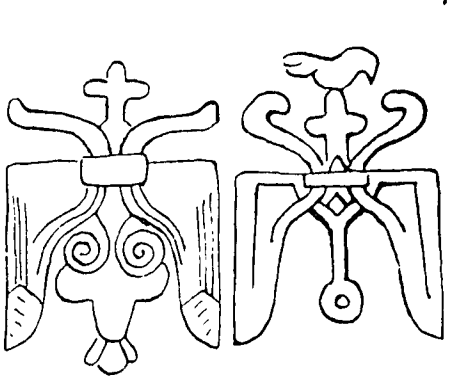
16

17

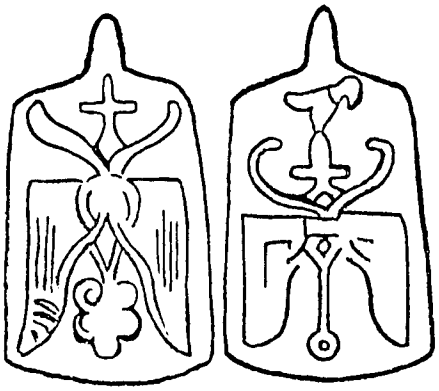


18

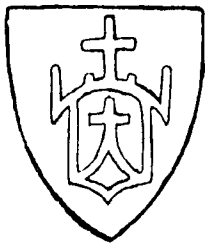
19



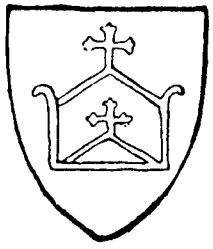
20



21



22



23

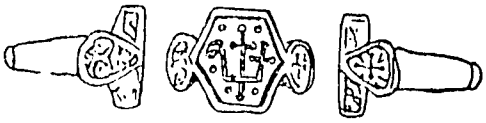
24

Таблица IV.

25

26

27

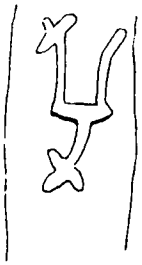


28

29

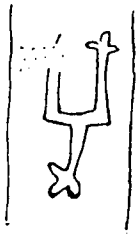
30

31



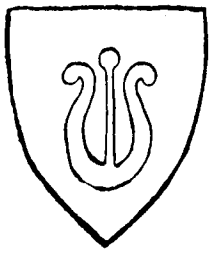
32

34



33

35



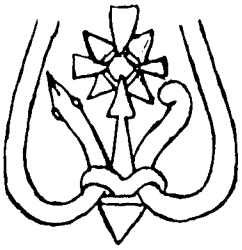
36

37

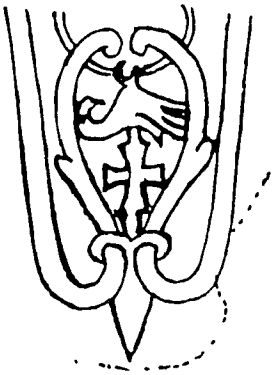
38

39

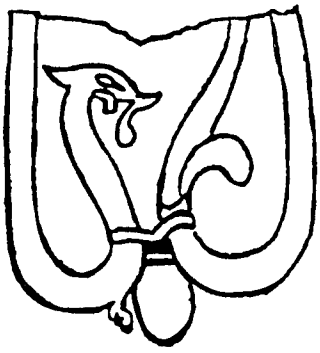
40



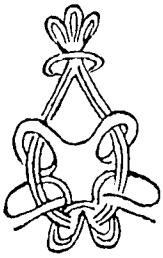
41



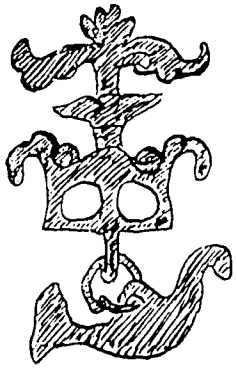
42



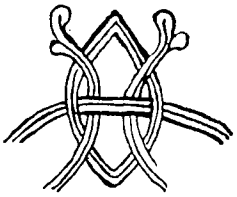
43



44



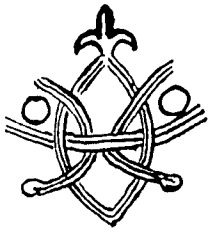
45



46

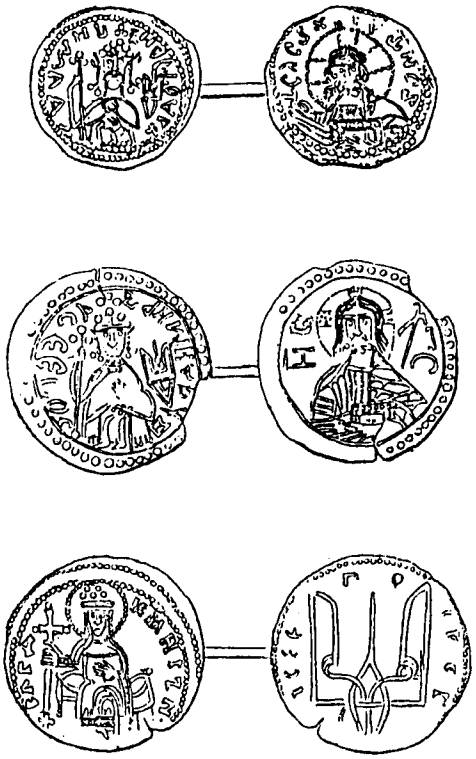
47

48



49

Таблица VI.



Монеты Святого Князя Владиміра.

1. Златникъ съ надписью (буквы наоборотъ): ВЛАДМИР НА СТОЛѢ † ІСУСЪ ХРІСТИСЪ.
2. Сребреникъ I-го типа: ВЛАДИМИРЪ А СЕ ЕГО С... ІЙС $\overline{\text{ХС}}$.
3. Сребреникъ IV-го типа: † ВЛАДИМИРЪ Н... А СЕ ЕГО СРЕБ(РО).

Цѣна 50 дин. или 1 амер. долларъ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

1. о. Петръ Бѣловидовъ, Београд, Крунска 20.
2. Русскій Книжной Складъ Державной Комиссіи. (Rusko književno skladište, Beograd, ul. Kr. Natalije 33). Jugoslavija.